

экстремизм (ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), нормы с административной преюдицией (ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») и др.

Следует обратить внимание на то, что особенности квалификации преступлений экстремистской направленности описаны в постановлении пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Кроме того, помним, что диспозиции составов экстремистских преступлений характеризуются своей бланкетностью, т. е. отсылают нас к нормам иных нормативно-правовых актов. К такому нормативно правовому акту в нашем случае относится Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Важно подчеркнуть, что с развитием общественных отношений меняется подход законодателя к содержанию объективной стороны некоторых преступлений экстремистской направленности. Например, в настоящее время в Уголовном законе России предусмотрена ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Однако после 2002 г. данная норма претерпела значительные изменения.

Во-первых, в первоначальной редакции данной статьи она была посвящена публичным призывам к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации. Впоследствии диапазон действия данной нормы расширился и включает в себя публичные призывы к любым действиям экстремистского характера (а не только к вышеуказанному).

Во-вторых, изменилась санкция данной нормы, что повлекло за собой изменение категории данного преступления. Теперь данное уголовно наказуемое деяние относится к категории преступлений средней тяжести.

Кроме того, в настоящее время описываемый состав преступления включает в себя квалифицированный способ его совершения (ч. 2 ст. 280 УК РФ): публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Законодатель, учитывая современную и повсеместную распространенность использования различных цифровых и информационных технологий, в том числе интернета, установил повышенную уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности в цифровом пространстве. Связано это с тем, что медиaproстранство позволяет охватить большее количество лиц, призываемых к осуществлению экстремистской деятельности, т. е. значительно увеличивается вероятность следования данным призывам и дальнейших проявлений противоправного поведения экстремистского характера.

Таким образом, следует подчеркнуть, что борьба с экстремизмом будет эффективной только в том случае, если лица, осуществляющие противодействие экстремистским угрозам, будут правильно понимать его сущность, общественную опасность и возможности его проявления в социуме. Именно поэтому борьба с экстремизмом должна основываться на подробных теоретических исследованиях данной проблемы, в том числе исследованиях уголовно-правовых особенностей преступлений экстремистской направленности.

УДК 343.229

В.А. Смирнов

ОШИБКА В РАЗВИТИИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ

Современное уголовное право, основанное на принципе вины, требует от правоприменителя четкого установления вины в действиях лица, привлекаемого к уголовной ответственности, при этом привлечение к ней исключительно по фактически наступившим последствиям, без учета того, чего действительно хотело это лицо (объективное вменение), не допускается. Данное положение обуславливает необходимость установления истинных намерений лица, совершившего общественно опасное деяние, соотнесение его намерений с конечным результатом деяния. Интерес представляет ситуация, при которой лицо неверно представляет причинно-следственную зависимость между совершаемым им действием (бездействием) и наступившими общественно опасными последствиями, например: лицо, желая причинить смерть другому человеку, наносит ему определенные телесные повреждения и затем, воспринимая умершим, предпринимает действия по сокрытию тела, а позже выясняется, что смерть наступила в результате именно тех действий, которые виновным совершались для сокрытия преступления.

В теории уголовного права на рассматриваемую проблему существует две диаметрально противоположные точки зрения.

1. Фактический результат изначально охватывался умыслом виновного, и поэтому данная ошибка не имеет уголовно-правового значения. Содеянное должно квалифицироваться как оконченное убийство.

2. Последствие хоть и было изначально желаемо виновным, но наступило в результате не тех действий, которые совершены им с целью лишения жизни, а иных, направленных уже на сокрытие преступления. В связи с этим ответственность за совершенное преступление исключается, действия виновного должны быть квалифицированы как покушение на убийство (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ) и неосторожное причинение смерти.

Вторая точка зрения нам представляется более точной. Здесь учитываются требования принципа вины, учения о составе преступления, о стадиях преступной деятельности. Так, состав преступления выступает юридической абстракцией, но тем не менее четко и однозначно предполагает установление набора юридически значимых признаков, характеризующих содеянное как совершение оконченного преступления. В этой связи все действия виновного должны оцениваться с точки зрения их отражения в его сознании и воле. При этом надо понимать, что умысел как форма вины предполагает момент его возникновения, воплощения в жизнь и реализацию. После того, как лицо будет считать, что совершило все необходимые действия для достижения желаемого результата, можно говорить о его окончании (реализации) в сознании виновного. Все последующие действия, совершаемые виновным, хотя и выглядят связанными с совершенным преступлением, формально

находятся уже за рамками состава и при наличии к тому оснований требуют самостоятельной правовой оценки. А поскольку в описанной выше ситуации с причинением смерти лицо считает, что уже достигло преступного результата своими первоначальными действиями, его отношение к возможным последствиям от действий по сокрытию тела может быть выражено исключительно в форме небрежности (не предвидело наступления общественно опасных последствий, хотя по обстоятельствам дела должно было и могло их предвидеть).

Так, очень важно учесть, что на практике многие лица, обвиняемые в совершении убийств с последующим сокрытием тела в водоемах, избирают в качестве защитной стратегии именно такой подход – «я считал, что он уже мертв, и сбрасывал его в воду для сокрытия тела. Топить его не хотел, наступления смерти именно в результате утопления не предвидел». И поэтому очень важна последовательная проверка всех доводов стороны защиты, установление обстоятельств, доказывающих, что виновный не мог предвидеть, что потерпевший не умрет, либо, напротив, опровергающих такие версии, подтверждая осознание виновного, что потерпевший еще жив, и тем не менее перемещал его в водоем.

Показательным здесь является Определение Верховного Суда РФ по уголовному делу № 35-УД22-8-А1 (Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2023), утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2023 г.): «Характер действий лиц, переместивших на тонкий лед реки избитого потерпевшего, который упал под лед и утонул, свидетельствует об умысле осужденных на причинение ему смерти». В подтверждение этого тезиса судами всех уровней, рассматривающих данное уголовное дело, было отмечено, что вопреки доводам защиты о восприятии виновным потерпевшего мертвым, его слова опровергаются собственными показаниями виновного, данными на предварительном следствии, а также показаниями свидетелей, в соответствии с которыми было установлено, что в момент перемещения тела потерпевшего к водоему, он нечленораздельно, но все-таки пытался что-то сказать, т. е. подавал признаки жизни. При таких обстоятельствах ссылка обвиняемого на незнание того, что потерпевший еще жив, безусловно, является несостоятельной, а его действия по изначальному причинению вреда здоровью потерпевшему и затем по перемещению его тела на тонкий лед водоема должны рассматриваться как единый комплекс действий, направленных на причинение смерти.

Необходимо отметить, что суды иногда уклоняются от доскональной проверки доводов обвиняемого, по сути, объединяя все его действия в единый комплекс и, как следствие, квалифицируя все содеянное как единое преступление – оконченное убийство.

Пример из практики. Нижнеилимским районным судом Иркутской области (уголовное дело № 1-6/2022 (1-128/2021)) П. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ: виновный в ходе конфликта с З. нанес последнему несколько ударов в лицо, а когда потерпевший упал, с силой бросил камень ему в голову. После этого, считая его умершим, с целью сокрытия совершенного деяния оттащил тело в реку.

Исходя из текста приговора, обвиняемый в ходе предварительного следствия, а затем и судебного разбирательства давал в целом последовательные показания и в части нанесения ударов, и в части перемещения тела к реке. Свидетельские показания, использованные судом для аргументации принятого решения, в основном содержали ссылки на то, что виновный сам рассказал, «что убил З.». При этом экспертом было констатировано, что «наиболее характерным для такого объема и тяжести внутренних повреждений, обнаруженных на трупе З., является потеря сознания вплоть до комы, при которой совершать активные и целенаправленные действия становится невозможным». Иначе говоря, фактически экспертом подтверждено, что потерпевший после нанесения ему ударов руками и камнем по голове находился в таком состоянии, которое обычный человек может принять за смерть, на что и указывал виновный. Несмотря на это, суд констатировал, что «...далее, действуя умышленно с целью причинения смерти З., П., продолжая реализовывать ранее возникший умысел, столкнул З. в воду, однозначно осознавая, что З. находится в бессознательном состоянии, и таким образом, пребывание в воде в подобном состоянии неизбежно повлечет за собой наступление смерти человека».

Представляется, что в данном случае судом (а в дальнейшем и судом апелляционной инстанции) было допущено определенное искажение ситуации: виновный не осознавал, что З. находится в бессознательном состоянии, а считал его умершим. Следовательно, для его восприятия ситуации помещение мертвого тела в водоем не могло неизбежно повлечь смерть, поскольку потерпевший в его сознании и так уже был мертв.

Подводя итог, хотелось бы еще раз отметить, что подобные ситуации с ошибкой в восприятии виновным развития причинно-следственной связи требуют скрупулезного установления всех объективных обстоятельств. Без этого доводы виновного не могут считаться опровергнутыми и должны трактоваться в его пользу (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). В противном случае судебное решение не может считаться законным и справедливым, вынесенным с соблюдением фундаментальных принципов уголовного права.

УДК 343.31

И.П. Стосуй

О ПРИЗНАКЕ ПУБЛИЧНОСТИ ОСКОРБЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ (ст. 369 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Любое государство, независимо от его политического и экономического устройства, всегда стремилось обеспечить защиту лиц, находящихся на государственной службе, в том числе посредством установления уголовной ответственности за различные деяния. Одним из важнейших условий успешной деятельности правоохранительных органов является вопрос защиты их чести и достоинства, которые в одном ряду с другими неотъемлемыми правами личности охраняются нормами международного, зарубежного и отечественного права.